

И р о д (*вскакивая, грозно*). Прочь, старая старуха, распорю тебе брюхо, как ударю в висок, рассыпешься в песок. Прочь, баба негодяйка.

С м е р т ь. Будет тебе, царь, царевать, пора и с места устать. Я не баба негодяйка, я мать смерть твоя.

И р о д (*падая перед ней на колени*). Смерть! Ох, смерть, мать моя, дай мне еще хоть один год пожить.

С м е р т ь. Нет.

И р о д. Месяц.

С м е р т ь. Нет.

И р о д. День.

С м е р т ь. Нет. Коль говорить с тобой мало тебе голову снимаю или позову брата с питейного ада. Братья, братья, возьмите его.

Вскакивают два черта в вывороченных тулупах, в масках с рожками, тащат Ирода, он падает, упирается. Смерть идет за ними.

Х о р (*поет*). Погиб, погиб Ирод ужасный

Смертью несчастной,

Не говоря худого слова,

От беззакония большого».

Необычайно пышную постановку «Царя Ирода» в 1910 г. видел А. Смирнитский¹ в Новоархангельской волости Елизаветградского уезда Херсонской губернии: в представлении — «Царь Ирод» шел одновременно с «Царем Максимилианом» — было занято около пятидесяти человек; спектакль сопровождали хор певцов, шумовой и духовой оркестры. А. Смирнитский так описывает первую часть виденного им представления этой сводной пьесы, которую местные жители называют «Троном»: «По середине комнаты, сарая ставится трон — высокий стул, спинка которого удлиняется подвешиванием палок, — покрывается кумачем и разукрашивается золотой бумагой. Полукругом располагается хор. На троне садится царь Ирод. Три волхва; они в белых, чистых сорочках, «гарно» вышитых, подпоясанные широкими цветными поясами; две широких ленты обхватывают накрест грудь; на груди иконы с изображением рождественского вертепа; на голове картонные шестизубчатые короны, оклеенные золотой бумагой, украшенные серебряными звездами и крестами; остальное одеяние их — обыкновенное праздничное платье. . . Волхвы выходят вперед, останавливаются вправо и впереди трона; у них в руках восковые зажженные свечи; они поют рождественский кондак «Гряде звезда чудна», и ветер в нарочно открытую на это время дверь колеблет пламя их свеч, и, когда кончают петь, он гасит их (конечно, они задувают сами): от небесного они переходят к земному. Ирод обращается к ним с вопросом, куда они идут. «Поклониться новорожденному младенцу», — отвечают они, и Ирод просит их сообщить, где находится этот младенец. Но один из них вполголоса убеждает остальных не говорить. «ибо он погубит матеря и отроча». Один за другим волхвы тают в хоре. Следует небольшая

¹ А. Смирнитский. К вопросу о вырождении вертепной драмы. Изв. Одесск. библиограф. общ., т. II, вып. 5, Одесса, 1913, стр. 194—211.